

УДК 930.85(73)

Шестаков В. П.

АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. Вторая часть статьи посвящена оценке таких феноменов, как американское отношение к власти, уму и интеллектуализму, любви, представления о морали, индивидуализме и общении, а также их эволюции в XX в. и тем оценкам, которые они получали в сочинениях американских авторов и «сторонних» наблюдателей*.

Ключевые слова: американский характер, прагматизм, морализм, антиинтеллектуализм, сюрвайвализм, индивидуализм

Особенности американского характера наиболее отчетливо проявляются в отношении к основным общественным институтам и, прежде всего, к государственной власти. Уже в Конституции США заложено представление о том, что национальное правительство — это необходимое зло, политическая сила, которая нуждается в контроле. Если правительство стремится к увеличению и усилению власти, то главная цель общественных институтов заключается в том, чтобы ослабить эти стремления. Поэтому лозунгом американских избирателей чаще всего служит принцип, провозглашенный еще Р. У. Эмерсоном: «Лучшее правительство то, что правит меньше». Это скептическое отношение к центральной власти постоянно заставляло американцев создавать сильную власть на местах, организовывать органы самоуправления.

«Типично американское отношение к власти, — пишет английский историк Д. Горер, — провозглашено в Конституции США: власть по природе плоха и опасна, она нужна государству, но должна быть ограничена и рассматриваться как потенциальный враг. Это отношение к власти со стороны народа и отдельной личности помогает понять американский характер» [1].

Чрезвычайно важным является отношение американцев к труду и организации бизнеса. Одним из традиционных стереотипов в оценке американского характера стало представление о пресловутом прагматизме американцев, о том, что их поведение определяется, главным образом, прагматическими интересами и редко соотнобразуется с интересами и требованиями морали. Нам кажется, что это представление является совершенно ошибочным. Такая модель американского характера представляется упрощенной, она не учитывает того, что школа, религия и общественное мнение всегда стремились к тому, чтобы воспитывать у американцев уважение к традиционной системе ценностей. К тому же, традиции пуританизма никогда не иссякали в США, и поэтому прагматизм в политике и бизнесе постоянно сочетается у них с ригоризмом в области морали. К этому выводу приходит такой блестящий исследователь американской истории как Г.С.Коммаджер. «В одной области, — говорит он, — американец является конформистом, и эта область — мораль. Хотя он и не всегда это сознает, он без всяких колебаний принимает все нормы пуритан. Конформизм и традиционность в вопросах морали принимают иногда агрессивные формы» [2].

Еще более резко о сочетании прагматизма и морализма в поведении американцев говорит известный американский социолог консервативного направления Дениел Белл: «Американцы обладают исключительным талантом компромисса в политике и экстремизма в морали. Самые бесчестные дела (и делишки) признаются целесообразными и практически необходимыми. Вместе с тем, ни в какой стране не предпринимались столь драматические попытки обуздать человеческие страсти и заклеить их как нечто противозаконное... В Америке принудительное внедрение общественной морали является постоянной чертой ее истории» [3].

Поэтому абсолютно ошибочно считать, что американцам недостает морали в их практических делах, или что они руководствуются какой-то упрощенной моралью. Напротив, для них в большей степени характерен моральный конформизм, который порой парадоксально сочетается с прагматическими установками. Все это позволяет некоторым авторам говорить о свойственном американцам «моральном дуализме», сочетании экстремизма в морали и прагматизма в делах. Таким образом, морализм и прагматизм — два полюса американского характера. Следует отличать «морализм» от терминов «мораль» или «моральность». Морализм — это, прежде всего, абсолютизация морали, возвышение морали над действительностью; это поведение, основывающиеся не на реальной ситуации, а на абстрактных принципах морали. Морализм относится не только к сфере личного поведения, но довольно часто он определяет и принципы внешней политики. Американские политологи видят во внешней политике США периоды ориентации на прагматизм и периоды, ориентированные на морализм. Анализируя отношение морали и политики, американский политолог Э.Лефевр пишет: «Морализм — это подделка под мораль, это частичная этика. Очень часто морализм выражается в самодовольной риторике или в манипулятивных символах, имеющих целью оправдывать, осуждать или служить справедливости. Морализм имеет тенденцию фокусировать внимание в большей мере на частные, чем общественные интересы, в большей мере на чувство, чем на разум, на нечто

сиюминутное, которое достигается ценой утраты будущего. Он чаще всего заботится о внешней форме, а не о последовательных выводах. Мораль — это синоним ответственности, а морализм — сознательное бегство от нее» [4].

Взрывы морализма периодически охватывали страну, причем, как правило, они падали на моменты экономических и политических кризисов. Возрождение морализма характерно для 1980-х гг., когда в США появились многочисленные организации, выступавшие с лозунгом «морального обновления» страны. Среди них — религиозно-политическое общество «Моральное большинство». Кроме того, в этот период возникло вполне обоснованное стремление многих американцев найти какие-либо устойчивые принципы морали в условиях всеобщей девальвации нравственных ценностей. Не случайно, в 1980-е годы в американских университетах повысился интерес к курсам этики. Отмечая этот факт, журнал «Комментери» сообщал, что «новый дух морализма приходит в американскую культуру». Теме «морального возрождения» Америки был посвящен специальный выпуск журнала «Тайм». Как писал главный редактор этого журнала, тяга к моральному обновлению возникает как реакция на моральные эксцессы 1960–70-х гг.: «Сегодня американцы, и в особенности молодежь, вновь открыли для себя отчаянную потребность в моральных нормах. Вместо самолюбования, характерного для “Я-декады”, возникает чувство взаимной поддержки».

Моральный ревайвализм в США связан с возрождением протестантской этики и морали пуританизма. Как отмечают авторы книги «Американский характер и культура в меняющемся мире», «пуританизм не умер в 1858 г. Изменилась одежда пуритан, но это не значит, что исчезло их влияние. Напротив, XX век вновь открывает их значение и возрождает ценности пуританизма» [5].

Следует отметить, что морализм в американской политике и общественном сознании усиливается в связи с приходом к власти неоконсерваторов. Питер Стайнфельс в своем исследовании «Неоконсерваторы» дает следующую весьма выразительную характеристику морализма: «Если величайшей добродетелью Америки были компромиссы и прагматическая приспособляемость, то величайшим пороком был морализм. Морализм является типично американским перелицовыванием протестантизма, продуктом евангелического фронта, который больше, чем пуританизм является матрицей американского характера. Во-первых, морализм был нацелен на реформирование личности. Привнесенный в политику, он не разоблачал свои пороки, а прежде всего искал виновников. Во-вторых, морализм разрушал границу между личным и общественным, между законом и моралью, которую либерализм устанавливал в надежде уменьшить конфликты между фундаментальными ценностями. Таким был “сухой закон”, всевозможные требования моральной суровости, которые приводили к лицемерию, пока это лицемерие не становилось очевидным. И, в-третьих, морализм был нетерпим к компромиссам и неопределенности. Он оценивал реальность в понятиях добра и зла. Суждения иные, чем черно-белые, не принимались в расчет» [6].

Одно из распространенных представлений об американцах связано с убеждением в их традиционном прагматизме, постоянной погоне за материальным успехом. Это действительно одна из особенностей американского характера. Но при этом обычно забывается другая сторона дела — не менее настойчивое стремление американцев ко всякого рода идеальным проектам, к тому, что часто называют утопиям. Поэтому было бы более точно видеть в американском характере соединение прагматизма с утопизмом.

Большинство авторов, писавших о жизни и поведении американцев, отмечали их трезвость, расчетливость, практичность. Эта трезвость мышления, практические установки поведения на успех вошли в народные предания, что особенно видно в легендах о янки. Но, вместе с тем, американцам никогда не были чужды мечтательность и склонность к идеальным проектам. В конце концов, американцы — единственная нация, у которой понятие «мечта» вошло в национальный моральный кодекс и стало символом американских возможностей. К тому же, на протяжении всей истории американцы создавали различные социальные утопии и грандиозные проекты.

Таким образом, традиционный для американцев практицизм постоянно сочетался с идеализмом и утопизмом. Этот парадокс можно проследить на всех уровнях общественного сознания: в поведении, морали, политике. Даже президент Дж.К.Кулидж, прославившийся своим парадоксальным изречением «бизнес в Америке — это бизнес», вместе с тем утверждал, что «Америка — это страна идеалистов».

Действительно, в американском национальном характере довольно часто обнаруживается самое парадоксальное соединение полярных крайностей. Так, например, в характере американцев уживаются две такие, казалось бы, несовместимые черты, как рационализм и антиинтеллектуализм.

Рационализм, как характерная черта мышления американцев, широко известен. Более того, он не ограничивается только сферой мышления, но проявляется и в системе организации производства, технологии, стиля жизни.

Правда, американская рациональность не признает духовной рефлексии, поиски отвлеченного интеллекта кажутся ей абстрактными и ложными. Поэтому широко проповедуемая рациональность в жизни и мышлении американцев часто сочетается со скептическим отношением к отвлеченной учености и знаниям, не имеющим непосредственной жизненной пригодности.

В своей книге «Антиинтеллектуализм в американской жизни» американский историк Роберт Хофштадтер отмечает, что «волны антиинтеллектуализма неоднократно захлестывали Америку. Наш антиинтеллектуализм имеет более древние корни, чем наше национальное самосознание и основывается на прочных исторических традициях» [7].

Тенденция к антиинтеллектуализму проявляется уже в образах американского эпоса, в грубоватых героях фронта, которые насмешливо относятся к интеллектуальным занятиям. Она проявляется в примитивизме ранней американской живописи, в примитивизме, характерном для американской литературы и философии прошлого века, в частности, для трансценденталистов, проповедующих отказ от цивилизации и возврат к природе. Еще в более откровенной и грубой форме эта тенденция дает себя знать в американской политике, в особенности у таких президентов, как Эндрю Джексон или Теодор Рузвельт. Довольно часто антиинтеллектуализм проявляется у чемпионов американского бизнеса, которые прямо заявляли не только о бесполезности, но и о вреде интеллектуального образования. Эндрю Карнеги призывал не изучать «мертвые языки, истории о мифических богах и всю эту варварскую белиберду об историческом прошлом». Генри Форд высказывался о вреде исторического образования с еще большей резкостью и откровенностью. По его словам, «история — это болтовня».

С наибольшей силой антиинтеллектуализм проявился в 1950-е гг., когда сенатор Дж.Р.Маккарти начал свой крестовый поход против «красной опасности» в Америке. Главным очагом коммунистической опасности в стране он считал интеллигенцию, которая вплоть до запуска первого советского спутника носила на себе клеймо вредной профессии, пока опасность отставания от СССР в области науки не вернула престиж интеллектуальным профессиям. Еще одна волна антиинтеллектуализма приходится на начало 1980-х гг., когда приход к власти неоконсерваторов сопровождался травлей либеральной интеллигенции и проводился под флагом религиозного и морального антиинтеллектуализма. Все это свидетельствует о том, что культ рациональности сочетается в Америке со спорадическими волнами антиинтеллектуализма.

Об американском отношении к интеллекту писалось много. Но, пожалуй, наиболее остро подметил эти особенности философ Джордж Сантаяна, оставивший выразительные заметки об Америке и американской культуре. Сантаяна постоянно подчеркивал двойственность американского ума. Он говорил, что в Америке американская воля противостоит интеллекту. Чем сильнее волевое, прагматическое начало, тем слабее интеллектуальная жизнь американцев: «Истина заключается в том, — пишет Сантаяна, — что американский ум, который не занят практическими заботами, остается, я не хочу сказать пустым, но отдыхающим, в то время как другая его часть, занятая открытиями, производством и социальной организацией напоминает Ниагарский водопад. Это деление символически выражается в американской архитектуре: небольшие здания в колониальном стиле стоят рядом с небоскребами. Американская воля воплощена в небоскребах. Одна сфера принадлежит мужчине, другая — женщине. Одна выражает агрессивный опыт, другая — благородные традиции» [8].

Сантаяна противопоставлял американский интеллект и мужской взгляд на жизнь: «Американский интеллект женствен и застенчив, он рисует природу акварельными красками, тогда как острый мужской взгляд видит мир как движущуюся картину — быстро, драматично, грубо схватывая

каждый факт как знак того, что случится в следующий момент. Большинство мужчин в Америке не имеют артикулированной логики для того, чтобы выразить свои практические убеждения» [9].

Подобного рода антиномии можно встретить в Америке на каждом шагу. Эти антиномии довольно часто становятся предметом дискуссий. Так кто же американцы по складу характера: прагматисты или идеалисты, утописты или реалисты, рационалисты или антиинтеллектуалисты, моралисты или приверженцы практического успеха, конформисты или же люди, склонные к свободному обмену мнений, наконец, индивидуалисты они или коллективисты? Порой в этих спорах присутствуют сторонники крайних мнений, представляющих американцев людьми только одной черты характера. Однако, на наш взгляд, гораздо большее основание имеют исследования, которые определяют американский характер как совокупность полярных черт, порой парадоксальных крайностей. Такую концепцию развивает, например, американский историк М. Каммен в своей книге «Народ парадоксов» [10].

Об Америке как стране парадоксов писал известный американский писатель Джон Стейнбек в своей книге «Америка и американцы». В этой книге удивительно сочетаются трезвый взгляд на страну со всеми ее проблемами и гордость, восхищение ее людьми и ее историей: «В большинстве случаев, — пишет Стейнбек, — американцы несдержанные люди: мы кушаем слишком много, когда в состоянии себе это позволить, слишком много пьем и чересчур потакаем своим чувствам. Даже в наших так называемых добродетелях мы не воздержаны: трезвенник не только не отказывается пить, он должен прекратить пьянство во всем мире, вегетарианец считает, что кушать мясо — значит нарушать закон. Мы слишком много работаем, и многие из нас умирают от перенапряжения, и, вместе с тем, мы, как самоубийцы, играем с насилием» [11].

Эти парадоксы, по словам Стейнбека, проявляются везде и повсюду. Американцы постоянно ругают свое правительство, считают его бессильным и грубым, и в то же самое время они верят, что это самое лучшее правительство в мире и пытаются навязать свое мнение каждому. Американцы верят, что они нация изобретателей, что они по природе своей склонны что-то изобретать и копаться в механизмах, и вместе с тем, никто толком не знает, как устроен автомобиль, и когда начинает барахлить мотор, они заглядывают в бензобак, вместо того, чтобы открыть капот автомобиля.

Американцам дорога мысль, что они наследники пионеров, что они живут близко к природе, но ни одна нация так не приучена к консервам и замороженной пище, как американцы. Американцы, говорит Стейнбек, выглядят как нация пуритан в общественной жизни и распутников — в частной. По достижении половой зрелости они много времени уделяют сексу, но американские суды постоянно заняты разбором дел о сексуальных расстройствах, обвинениях во фригидности или в импотенции.

Мы считаем себя реалистами, продолжает автор, и, тем не менее, покупаем только то, к чему призывают телевидение или реклама. Мы боимся бессонницы, одиночества и не можем ни

минуты прожить без того бреда, который поставляют нам средства массовой информации. Мы ненавидим абстрактное искусство, но производим его больше, чем все другие страны, вместе взятые.

Подводя итог своим рассуждениям о парадоксальном характере американцев, Стейнбек пишет: «Перед вами ряд утверждений, которые опровергаются рядом противоположных утверждений. Похоже, что американцы живут, дышат и функционируют с помощью парадоксов; но ничто не является столь парадоксальным, как вера в наши собственные мифы... Парадоксы существуют повсюду. Мы кричим на каждом углу, что мы нация, управляемая законами, и вместе с тем, при первой возможности мы нарушаем любой закон, если считаем, что это нам сойдет с рук. Мы искренне считаем, что наши политические позиции основаны на фактах и, вместе с тем, мы голосуем против человека только потому, что нам не нравятся его религиозные убеждения, его имя или форма его носа» [12].

Все эти противоречия и создают, по словам Стейнбека, то, что называется американским характером или в самом обобщенном виде Америкой. «Из всей совокупности того, что является нашим прошлым, из наших разладов и ссор, из разнообразия направлений, по которым мы идем, проявляется все-таки нечто, что само по себе уникально: оно называется Америкой, сложной, парадоксальной, по-бычьей упрямой, застенчивой, жестокой, мальчишеской, невыразимо дорогой и бесконечно красивой» [13].

Такова концепция «парадоксальной Америки» Джона Стейнбека, которая нам представляется вполне реалистической и обоснованной. Некоторые его художественные произведения, в частности «Путешествие с Чарли в поисках Америки», были проверкой тех моделей американского характера, которые он наметил в книге «Америка и американцы».

Американский характер окончательно сложился в XIX веке. Многие путешественники, посетившие Америку в это время, отмечали своеобразие поведения и самосознания американцев, непохожесть национального характера американцев на какой-либо иной. Английский историк Д. Горер писал, что «между американцами и англичанами двести лет назад было больше общности, чем различий. Однако различия в опыте и условиях развития за последние два столетия создали в США совершенно новую систему ценностей, новый взгляд на мир и представления о самих себе. Все это породило совершенно отличный от английского национальный характер» [14].

Американский характер, как он сложился в прошлом столетии, отличался такими очевидными чертами, как предприимчивость, изобретательность, склонность к индивидуализму, отказ от сословных и аристократических привилегий, что проявлялось на всех уровнях жизни, начиная от требований политического равенства и кончая поведением и стилем одежды. Однако на рубеже XIX–XX вв. в американском характере происходят серьезные изменения. Они были связаны, прежде всего, с изменениями в развитии социальной структуры общества, с превращением

Америки в индустриальное государство с развитой городской культурой. Изменения в стиле и укладе жизни не могли не сказаться и на изменениях в социальной психологии.

Говоря об этих изменениях в национальном характере на рубеже веков, Г. Коммаджер пишет: «Конечно, большинство тех качеств, которые были характерны для американца прошлого века, остаются прежними. С некоторыми изменениями в деталях фотография, сделанная в раннем возрасте, вполне годится на паспорт. Американец был по-прежнему оптимистичен, по-прежнему полагал, что его страна наиболее счастлива и добродетельна, и хотя он стал менее уверен в возможностях прогресса, он все-таки предпочитал, чтобы прогресс существовал. Его культура по-прежнему была ориентирована на материальные цели, его мышление по-прежнему развивалось в количественных категориях, его дух был изобретательным, экспериментальным и практичным. Мировая война не научила его уважению к власти. Он лелеял индивидуализм, он был менее уверен в добродетели конформизма. Он по-прежнему хвастался своими языковыми идиомами, своим собственным типом юмора. Американец был по-прежнему дружелюбным и чувствительным, хотя, по-видимому, и более упрямым и менее романтичным, чем его предки» [15].

Какие же изменения произошли в XX в. в американском характере? Прежде всего, ослабло влияние религиозной идеологии, в особенности пуританизма. Об этом много писали известные американские социологи Д. Рисмэн и У. Уайт. В своей книге «Организованный человек» У. Уайт доказывал, что старая система протестантской этики, в основе которой лежала идея личного спасения с помощью упорного труда и свободного предпринимательства, постепенно вытесняется новой социальной этикой — «верой в группы, как источник творчества, верой в сплоченность индивидуумов» [16]. К подобным же выводам приходил и Д. Рисмэн. В своем исследовании «Одинокая толпа» он указывал на то, что американский характер трансформировался от личности, «ориентированной изнутри», то есть исходящей в своем поведении из индивидуалистических мотивов, к личности, «ориентированной извне», то есть попавшей в зависимость от сложных социальных структур — государства, корпораций и т. д. [17].

Позднее другой американский социолог Мерилин Фергюсон отмечает следующие три важных изменения, которые, по ее мнению, произошли в американском характере в XX веке. Во-первых, увеличилась терпимость американцев к разнообразиям и изменениям, во-вторых, произошла эрозия традиционной пуританской веры в упорный труд и бережливость и, наконец, в-третьих, американцы стали больше беспокоиться о возможности утраты контроля над политической системой [18].

Изменения происходят и в жизненной философии американцев. В прошлом американец был неисправимым оптимистом, он верил в научный прогресс, в особое предназначение для своей страны, верил в «американскую мечту», и, наконец, верил в будущее. Опыт истории поколебал традиционную философию оптимизма. Война во Вьетнаме, молодежные и расовые движения

1960-х гг., рост безработицы — все это существенно расшатало традиционную веру в «американское будущее». «Став менее уверенным в будущем, — пишет Коммаджер, — он стал больше заниматься прошлым. В семьях стали культивировать изучение генеалогии. Американец стал лучше знать свою историю. У него нет больше энтузиазма, с которым прежде он приветствовал будущее как романтическое приключение» [19].

Не случайно в 1970-е гг. все это привело к появлению стиля «ретро», который возродил интерес к прошлому, к моде 1920-х, к казалось бы уже забытым героям. Американский историк У. Манчестер в книге «Мечта и слава» открывает главу о 1970-х годах следующими словами: «Ностальгия стала большим бизнесом. Деревянная коробка индейских сигар распродавалась по 4 тысячи долларов за штуку, книжечка комиксов о Супермене, изданная в 1933 г., стоила 400 долларов. Студентки, обращаясь к более далекому прошлому, надевали платья до пола и бабушкины очки в металлической оправе. Повсюду открывались ностальгические книжные клубы, распродающие книги о старых кинофильмах и коллекции рассказов из старых журналов. Компании грамзаписи наживались на пластинках с записью песенок и радиопередач 1930-х гг. Смысл всего этого был ясен: американцы обращались к прошлому, потому что были по горло сыты современностью» [20].

Иностранцы, побывавшие в Америке, всегда описывали американца как отзывчивого и великодушного человека, который, несмотря на свой врожденный индивидуализм, всегда интересуется жизнью общины, участвует в широко распространенных по всей стране добровольных ассоциациях — клубах, обществах, организациях. Быть может, сегодня американцы не меньше, чем прежде принимают участие в общественной жизни. Но в 1970-х годах американские социологи с тревогой стали отмечать рост в стране эгоцентризма и нарциссизма, характерных для «Я-декады».

Термин «нарциссизм» получил широкое распространение в то время в публицистической литературе. Известный американский публицист Кристофер Лэш написал книгу «Культура нарциссизма», ставшую социологическим бестселлером. Характерно, что примерно в это же время француз Мишель Крозье выпустил книгу «Американская болезнь», в которой обнаруживает в американском обществе сходные с нарциссизмом симптомы недуга.

Лэш заимствует термин «нарциссизм» из области психоанализа и клинической психиатрии, где он обозначает один из типичных неврозов в поведении личности. Однако Лэш придает ему более широкое значение, он связывает с ним не только антисоциальное поведение отдельных лиц, а видит в нем заболевание всего общества. Он обнаруживает симптомы этой болезни буквально повсюду: в политике, искусстве, рекламе, воспитании, спорте, семейных отношениях и т. д. Среди этих симптомов: культ самолюбования, утрата интереса к настоящему, отсутствие понимания будущего. Во введении к своей книге Лэш пишет, что его цель — показать «основанную на

конкуренции культуру индивидуализма, приводящую в процессе своего разложения к войне всех против всех, а поиски счастья — к тупику нарциссического любования самим собой» [21].

Картина американской культуры, которую рисует Лэш, носит чрезвычайно критический характер. Он считает, что, начиная с 1960-х гг., все традиционные ценности, составляющие дух американизма, превращаются в собственную противоположность: этика трудолюбия и стремления к успеху, выросшая на основе протестантизма, вырождается в вульгарную этику гедонизма и самолюбования, героизм — в популярность и поклонение знаменитостям, политика и радикализм — в уличный спектакль, спорт — в коммерческое зрелище и прославление грубой силы, социальная критика — во всевозможные курсы самотерапии и морального самосовершенствования, система образования — в культ самодовольной безграмотности и некомпетентности.

Говоря о росте нарциссизма в американской культуре, Лэш, прежде всего, имеет в виду появление нового типа нарциссической личности, для которой мир представляет только зеркало, где отражается она сама, и которая не интересуется ничем иным, кроме своего собственного образа. Для нарциссиста характерна псевдооценка, боязнь старости, страх смерти, культ знаменитостей и т. д. «Иными словами, это тот тип личности, для которой нарциссизм — символ эгоизма и метафора определенного состояния ума, когда мир воспринимается лишь как зеркальное отражение самого себя» [22].

Возможно, что, рисуя состояние американской культуры последних десятилетий, Лэш несколько сгущает краски. Но, несомненно, он уловил известный сдвиг общественной жизни Америки к эгоцентризму. И характерно, что он не одинок в этом выводе. Наличие элементов «нарциссизма» в современной американской культуре и характере подтверждает и еще один американский социолог — Дениэл Янкелович. Правда, он называет его другим термином — «самореализация». В своей книге «Новые правила» Янкелович на основе опросов общественного мнения приходит к выводу, что «этика самоотречения», лежащая в основе традиционной американской системы ценностей, начиная с 70-х годов, сменилась «этикой самореализации» или «самоосуществления», которая достигается путем утраты общественных целей и интересов [23].

Нельзя также не видеть, что за последнее время в США усилились тенденции к эскепистским настроениям, к бегству личности от острейших социальных проблем, к ограничению себя исключительно личностными, а порой и просто бытовыми проблемами. Эту тенденцию современные социологи определили термином «минимальное Я».

Это «минимальное Я» возникает как проявление новой, получившей необычайное распространение в США, философии выживания или сюрвайвализма. Сегодня в Америке выходит огромное количество пособий, посвященных стратегии выживания — выживанию в атомной войне, в условиях экологического кризиса, выживанию национальных меньшинств. Даже личная жизнь рассматривается с точки зрения «стратегии выживания» — выживание в браке,

выживание в борьбе с раком, СПИДом, наркотиками. Даже деньги для американца становятся сегодня не традиционным путем для достижения успеха, а «средством выживания». Все это порождает страх перед коллизиями социальной жизни и создает обывательскую психологию «минимального Я», которое, как улитка в раковине, прячется под панцирем социального индифферентизма.

Кристофер Лэш, посвятивший минимализму свою другую книгу, пишет: «В трудные времена повседневная жизнь превращается в простую заботу выжить. Люди живут только сегодняшним днем, они редко оглядываются назад, а если заглядывают вперед, то только для того, чтобы застраховать себя от катастроф, которых каждый ожидает сегодня... В этих условиях “Я” становится формой самозащиты, борьбы против всяческих бедствий. Потребность эмоционального равновесия приводит к минимальному, а не высшему (imperial) “Я”, которое существовало еще вчера» [24].

Сюрвайвализм порождает новую психологию, новый тип ориентации личности, поскольку речь идет не только о физической, но и о психической выживаемости. «Забота о себе, — говорит Лэш, — которая становится характерной чертой нашего времени, принимает форму заботы о психической выживаемости. Сегодня люди теряют всякое доверие к будущему. Сталкиваясь с гонкой вооружения, терроризмом и преступностью, ухудшением окружающей среды и перспективами длительного экономического кризиса, они готовятся к самому худшему, иногда строя убежища и запасаясь продуктами, а чаще всего обращаясь к эмоциональному неверию в обещания стабильного, безопасного и надежного мира» [25].

Область, в которой наиболее наглядно видны особенности национального характера американцев, это область поведения. Здесь американцы проявляют себя достаточно характерным образом. В поведении и манерах американец всегда был подчеркнута демократичен. Его беззаботность в отношении к одежде и манерам всегда была его отличительной чертой, хотя далеко не всегда она считалась его наилучшим качеством. «Беззаботность — одна из наиболее отличительных особенностей американца. Он не заботится о себе, о своем языке, одежде, еде, манерах; те, кто плохо знают его, могут подумать, что он груб и абсолютно не воспитан. К английскому языку и его грамматике он относится с такой же энергией, как к бизнесу и религии, заставляя их служить своим интересам. Он не придает значения классовым и сословным нормам, традициям, правам и прерогативам» [26].

Об этой особенности американского характера с изрядной долей самоиронии писал Марк Твен. «Характерная черта американцев — невоспитанность. Мы — нелюбезная нация. В этом мы намного переросли все народы, как цивилизованные, так и дикие (или не доросли до них). Нас называют изобретательной нацией, но другие народы тоже изобретательны. Нас называют хвастливой нацией, но другие народы тоже хвастливы. Нас называют энергичной нацией, но

другие народы тоже энергичны. И только в нелюбезности, в невежливости, невоспитанности мы не имеем пока соперников — пока черти сидят в аду» [27].

Хорошо известная особенность поведения американцев проявляется в их расположенности к юмору. Американский тип юмора с самого возникновения нации стал характерным свойством американцев. Как однажды сказал Джордж Сантаяна, юмор в Америке был формой национальной эмансипации. Он отразился уже в их эпосе, в фольклорных сказаниях о героях — Поле Беньяне, Дэниеле Буне, Дэйве Крокете. Похождения Крокета были не менее фантастичны, чем приключения барона Мюнхгаузена, который, надо сказать, тоже был очень популярен в Америке (в одном только 1835 г. вышли 42 издания его приключений). Ударом кулака Крокет выбивал искру, чтобы разжечь костер, медведя он заставлял взбивать масло в бочке и на предвыборный митинг приезжал верхом на крокодиле. «Наши популярные герои, — пишет Бурстин, — вышли на историческую арену под аккомпанемент гомерического хохота. Движущие силы национальных идеалов были постоянной мишенью смеха. Эта необычная комбинация была продуктом американского своеобразия» [28].

Народные герои американского эпоса, такие как лошади и балагур Дэвид Харрум, словоохотливый и грубоватый янки, хитроумный братец кролик, создавали новый тип юмора, который отличался грубоватостью, фантастическими преувеличениями, связью с речевой традицией, с сатирой и самопародией.

Для иностранцев, в особенности для благонаправленных англичан, воспитанных на высоких литературных традициях, американский юмор воспринимался как странное, бурлескное нагромождение экстравагантностей, казался воплощением всего низкого и грубого. Английский врач Томас Николс писал в 1850 г.: «Американский юмор состоит из огромного числа экстравагантностей, странных и необычных выражений. Многие из этого юмора покажутся англичанам совершенно не смешным».

Такого рода замечания далеко не случайны. Они, пусть в негативной форме, свидетельствуют о демократическом характере американского юмора, о его связях с народной и фольклорной традицией, с фантазией и преувеличением. «Воображение и энтузиазм, — пишет Харальд Томпсон, — характеризуют как американский юмор, так и его восприятие. Юмор был не только позитивной, но и печально знаменитой национальной чертой. Так же распространенный, как оптимизм и беззаботность, юмор был тесно связан с этими двумя чертами американского характера. Существовало большое разнообразие в юморе разных районов... От Франклина до Марка Твена американский юмор имел сильную тягу к экстравагантности» [29].

Конечно, со временем традиции американского юмора изменяются. Если в прошлом юмор американцев был экстравагантным, добродушным, порой экспансивным, то в XX в. он становится раздражительным, колким, рассчитанным на то, чтобы ранить, а не только смешить. Как отмечает Коммаджер, в развитии американского юмора происходит сдвиг от устного и публичного юмора к

литературному и личному, от длинного рассказа и анекдота к эпиграмме. Новым жанром американского юмора становится радио-юмор, затем юмор телевизионных комиков. Со временем этот юмор сближается с рекламой (что, впрочем, пошло на пользу рекламе). И хотя традиции народного юмора не умирают, но юмор, представленный, например, на страницах журнала «Нью-Йоркер» становится изощренным, претенциозным, далеким от разговорной традиции, характерной для юмора прошлого века.

Довольно часто в поведении американцев присутствует изрядная доля инфантилизма. Это дает основание некоторым авторам называть американцев взрослыми детьми. Томас Манн, проживший долгое время в США, говорил, что современная Америка — это «по-детски усердная, но наивно-авантюристическая страна», а самим американцам присущ «варварский инфантилизм» [30]. Об этом же писали и многие европейские писатели. Впрочем, и сами американцы признают, что они, как нация, большие дети. «Иногда мне кажется, что мы — страна детей», — пишет в своем романе «И поджег свой дом» Уильям Стайрон. Другой американский писатель Эрнст Хемингуэй, говоря о типе американского мужчины, замечает, что многие из них «надолго остаются мальчишками. Некоторые так на всю жизнь. Пресловутые американские мужчины-мальчики. Чудной народ, ей богу».

Очевидно, эта особенность американского характера является прямым следствием американской истории. По сравнению с другими народами эта история не слишком велика, и поэтому молодая нация, которая в короткий срок приобрела огромные природные и технические ресурсы, имеет явную склонность к инфантилизму. Не случайно, что американцы исповедуют культ молодости, возводят ее в символ национального благосостояния. Именно поэтому американцы с таким азартом, безотносительно к возрасту, занимаются спортом и делают это не только для укрепления силы и физического здоровья, но и для утверждения молодости духа.

Отличительная особенность американцев заключается в непосредственности, в легкости, с какой они вступают в общение. Американцы по натуре общительны, им чужда замкнутость. Этим, пожалуй, они отличаются от многих других наций. Английский писатель и актер Питер Устинов писал по этому поводу в статье «Парадоксальная Америка»: «Быть французом — значит не походить ни на кого, быть американцем — значит быть как все. Французы с предельным тактом объяснят вам, что как бы вы не старались, вам никогда не удастся быть такими, как они. Напротив, американцы даже покажут вам учреждения, куда вам следует обратиться по этому поводу, и скажут, сколько времени вам понадобится на это обращение» [31].

Общительность проявляется уже в том, как американцы приветствуют друг друга. Возглас «Hello!» в устах американца звучит как восторженное восприятие бытия. Американское «How do you do?» не имеет ничего общего с русским «Как ты поживаешь?». Хотя этому выражению и свойственна вопросительная интонация, оно не заключает в себе никакого вопроса и не предполагает никакого ответа. Пожалуй, американец будет шокирован, если в ответ на его

приветствие европеец начнет объяснять, как он живет и какие у него проблемы. Американское приветствие радостно и оптимистично, но при этом оно крайне формально, не предполагает общения, а ограничивается только радостным свидетельством готовности к такому общению.

Не менее важна при установлении личных контактов знаменитая американская улыбка. Она представляет собой одно из необходимых проявлений системы социального регламента, установления системы отношений между людьми. Правда, она не так формальна и обязательна, как традиционная японская улыбка, которая представляет собой просто социальную маску, необходимую на лице, как одежда на теле. Она требует выражения энтузиазма, громкого проявления оптимизма. Человек, который не способен улыбаться, таит в душе нечто опасное, скрытое. Такому человеку нельзя доверять, с ним опасно иметь дело. Американская улыбка — проявление деловой этики, этики бизнеса. Поэтому она так широко рекламируется, глядит на вас со всех рекламных плакатов, демонстрируется в телевизионной рекламе. Политический деятель, не способный к улыбке по-американски, обречен, избиратели ни за что не доверят ему свои голоса. Кстати сказать, именно потребности к широкой улыбке как необходимому элементу социальной общительности американцы во многом обязаны успехами своей стоматологии: чтобы хорошо улыбаться, надо иметь хорошие зубы.

Многих европейцев общительность американцев сначала поражает и восхищает, но вскоре и разочаровывает. Французский социолог Мишель Крозье пишет по этому поводу: «Контакт устанавливается немедленно, общение дается легко. Эти американцы, чья речь кажется недостаточно внятной, общаются друг с другом несравненно успешнее, чем мы, французы, столь гордые своим искусством самовыражения. Затем первое впечатление вытесняется вторым, столь же ошибочным: все это вдруг начинает казаться поверхностным. Все общаются со всеми, но друзей не имеют, отношениям недостает глубины. Наступает третья стадия, на которой я сам все еще пребываю, — стадия неопределенности. В действительности американцы, как все люди, испытывают потребность в привязанности, дружбе, в любви, и они тоже их находят, но, затрачивая больше усилий, чем другие, платя за них более высокую цену, потому что им не хватает кодекса, не хватает культуры» [32].

Так или иначе, в Америке очень высоко ценится дружба, и американцы, по-видимому, обладают талантом устанавливать дружеские связи, они делают это легко и охотно, поражая порой более сдержанных европейцев. Этим они резко отличаются от англичан, которые с трудом и осторожно вступают в дружеские отношения. Но если вы подружились с англичанином, он остается вам другом на всю жизнь. Американская дружба менее прочна и длительна. Американцы скоропалительно вступают в дружбу, но терпения на долгую и прочную дружбу им не хватает. В американском языке есть даже понятие *clinet-friendship*, иначе говоря, дружба одноразового пользования. Поэтому не следует слишком обольщаться на этот счет. Если американец при прощании говорит вам «Скоро увидимся», вы должны не принимать эти слова буквально, возможно они означают — «Прощай навеки». Сердиться на них за это не стоит. Просто они

открыты и сердечны, готовы стать вам друзьями с первой же встречи, но прочно и долго дружить они не умеют.

Особенности национального характера американцев раскрываются и в такой интимной области, как отношение к любви. Американцы относятся к любви иначе, чем европейцы. Как известно, любовь — сложное социальное чувство, воспитываемое и культивируемое веками. В Европе отношение к любви формировалось философией Платона и Аристотеля, сочинениями средневековых теологов, поэзией трубадуров, галантной и куртуазной литературой, любовной мистикой французских и немецких романтиков. Вся эта длительная и многовековая традиция отношения к любви и эросу для американцев — книга за семью печатями. Их литература не знала идеи платонического эроса, космической диалектики любви в духе ренессансного неоплатонизма, изысканной куртуазности европейской литературы нового времени.

Но не нужно думать, что американцев вообще не интересуют вопросы любви и они не уделяют им должного внимания. Напротив, приходится удивляться тому, сколько времени и места отводится этим вопросам в журналах, специальных пособиях, песенках, телевизионных программах, социологических опросах. Похоже, что в Америке существует целая индустрия, которая занимается проблемами любви и пола.

Французский журналист Росси де Сталь, написавший еще в 1938 г. статью «Любовь в Америке», отмечал следующее. «Америка — единственная страна в мире, где любовь представляет общенациональную проблему. Ни в какой другой стране вы не найдете, чтобы отношениям между мужчиной и женщиной отводилось столько места. Ни в какой другой стране так не беспокоятся о том, что эти отношения далеко не всегда приносят счастье. Концепция любви, которая господствует в Америке, близка идее демократии. Любовь прекрасна и в жизни нет ничего, что было бы лучше ее. Но подобно демократии, любовь редко осуществляется на деле и американцы чувствуют, что надо что-то сделать по этому поводу. Их государственные мужи стремятся заставить демократию работать. Каждый американец тоже стремится к тому, чтобы любовь, как и демократия, хорошо функционировала» [33].

Отношение американцев к любви прагматично и рационально, чаще всего оно лишено того романтического ореола, которым любовь окружена в европейской культуре. Для них любовь — это, прежде всего, область секса, а секс, как и все связанное со здоровьем и физиологией, нуждается в предписаниях и практических советах. Поэтому ежегодно в США издается огромное количество практических руководств, в которых содержатся советы по самым разнообразным вопросам: как одеваться, идя на свидание, причесываться, ухаживать, дарить подарки, готовить пищу, вести себя в постели. В этих книгах вы не найдете рассуждений о том, как рождается любовь, какие виды ее бывают, как она связана с ревностью или нежностью на манер того, как об этом писали Стендаль, Пруст или Тургенев. Но зато вам предложат большое количество самых практических предписаний с полной гарантией того, что если вы будете им следовать, го

обязательно добьетесь полной гармонии и взаимного счастья в любви. Искусство любви с этой точки зрения мало чем отличается от искусства приготовления пищи: все зависит от наличия ингредиентов и правильной пропорции в их приготовлении.

Впрочем, отсутствие у американцев романтического флера, который так необходим европейцам, имеет свою положительную сторону. Американцы не стесняются публично обсуждать проблемы любви и брака. У них хорошо поставлена в школе система полового воспитания. В Америке считается необходимым, чтобы каждая девушка школьного возраста имела приятеля и ездила с ним на пикник, вечеринку или в кино, иначе все будут считать, что с девушкой что-то неладно.

В Америке любовь, встречи, ухаживания не являются такой интимной вещью, как в Европе. «В Америке распространена идея, что любовь, поскольку она хорошая вещь, должна быть продана публике» [34]. Для участия в программах американского телевидения довольно часто приглашаются незамужние пары, которые должны рассказать, как они провели вдвоем уик-энд и самая занимательная история, представленная миллионам телезрителей, премируется крупным денежным выигрышем. И естественно, что желающих рассказать о своих интимных встречах оказывается не так уж мало.

Американский характер лучше всего проявляется в отношении к другим нациям и культурам. Это отношение, как и многое другое в американском характере, двойственно. С одной стороны, американцы всегда чувствуют и говорят о «моральной ответственности» перед всем миром. Они много путешествуют, с интересом, граничащим с изумлением, знакомятся с культурами других народов, поражаясь, очевидно, их непохожести на свою собственную культуру. Но, с другой стороны, как мы уже видели, в их культуре довольно часто проявляется и феномен нарциссизма, самолюбования, нежелания понять внутреннюю жизнь других наций.

Подводя итог, следует отметить, что при всей противоречивости и парадоксальности, американский характер во все времена отличался трудолюбием, упорством в достижении целей, доходящим порой до упрямства, широтой и отзывчивостью. Эти черты всегда служили и будут служить другим народам примером для подражания.

Учитывая сложность и противоречивость национальных особенностей Америки и американцев, мы вправе задаться вопросом, смогут ли эти качества американского характера послужить основой для положительного вклада в их будущее. Такие вопросы ставят многие исследователи Америки.

В своей книге «Американский ум» Генри Коммаджер пишет: «Американцы сохраняют свои моральные стандарты и привычки, смогут ли они предохранить их от коррупции и упадка? Они были идеалистами, но смогут ли они выполнить идеальную работу? Они были прагматистами, но смогут ли они сохранить свой прагматизм от вульгаризации. Они были разумными, но сможет ли их разумность разрешить проблемы будущего? Американцы обладают атомной энергией, будут

ли они использовать ее в целях цивилизации или разрушения? Они достигли такой мощи, которой не обладает никакая другая нация. Но сможет ли любовь к миру, которую Генри Адамс назвал главной чертой американского характера победить стремление построить Pax Americana? Весь мир хочет узнать ответы на эти вопросы, которые поставила сама история».

* Первая часть статьи «Американская культура: в поисках национальной идентичности» опубликована в № 4 за 2012 г. (URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/168.html&j_id=12)

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Gorer, G. The Americans. A Study in National Character. London, 1958, p. 20.
- [2] Commager, H. S. The American Mind : An Interpretation of American Thought and Character. L., 1956. P. 23.
- [3] Белл, Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966. С. 266.
- [4] Lefever, E. Morality versus Moralism in Foreign Politics // Ethics and World Politics. 1972. P. 5.
- [5] American Character and Culture in a Changing World: Some Twentieth-Century Perspective / ed. by J. Hague. Westport, 1979. P. 36.
- [6] Steiffels, P. The Neoconservatives. N.Y., 1979. P. 36.
- [7] Hofstadter, R. Anti-intellectualism in American Life. N.Y., 1963. P. 6.
- [8] Santayna, G. On America. N.Y., 1967. P. 20.
- [9] Ibid. P. 186.
- [10] Kammen, M. People of Paradox: An Inquiry Concerning the Origin of American Civilization. N.Y., 1974.
- [11] Steinbeck, J. America and Americans. N.Y., 1965. P. 29.
- [12] Ibid. P. 30.
- [13] Ibid. P. 7.
- [14] Gorer, G. Op. cit. P. 3.

- [15] *Commager, H. S.* Op. cit. P. 409-410.
- [16] *White, W. H.* The Organization Man. N. Y., 1956.
- [17] *Riesman, D.* The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, 1950.
- [18] *Ferguson, M.* The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980's. L.A., 1980. P. 124.
- [19] *Commager, H. S.* Op. cit. P. 242.
- [20] *Manchester, W.* The Glory and Dream: A Narrative History of America, 1932–1972. Boston, 1974. P. 1224-1225.
- [21] *Lash, Ch.* The Culture of Narcissism. N.Y., 1979. P. 21.
- [22] *Ibid.* P. 75.
- [23] *Jankelovich, D.* New Rules: Searching of Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down. N.Y., 1981.
- [24] *Lash, Ch.* The Minimal Self. N.Y. ; L., 1984. P. 15.
- [25] *Ibid.* P. 16.
- [26] *Commager, H. S.* Op. cit. P. 17.
- [27] *Твен, М.* Собр. соч. в 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 474.
- [28] *Boorstin, D.* The Americans : The National Experience. N.Y., 1979. P. 327.
- [29] Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1978. Т. 2. С. 306.
- [30] *Манн, Т.* Письма. М., 1975. С. 292.
- [31] *Ustinov, P.* America the Paradoxical // Saturday Review. 1975. 13 December. P. 48.
- [32] *Crozier, M.* Le mal Americain. P., 1981. P. 277.
- [33] *Sale, R. de.* Love in America // America in Perspective. P. 194-195.
- [34] *Ibid.* P. 196.

© Шестаков В. П., 2012.

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2012 г.

Шестаков Вячеслав Павлович,

доктор философских наук, профессор,
заведующий Сектором теории искусства,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: vpshestakov@migmail.ru

UDC 930.85(73)

Shestakov V.

**AMERICAN CULTURE: SEARCHING NATIONAL IDENTITY
(PART 2)**

Abstract. The article addresses the principle features of the United States' culture, its key stages of development, the history of establishing the national educational system and its place in American cultural history. The author traces the general history of arts and visual arts in particular linked to the basic stages of shaping the national identity and American character.

Key words: cultural history of the USA, American education, American art, culture war, melting pot, American character

Shestakov Vyacheslav Pavlovich,

Doctor in Philosophy, Professor,
Head of the Department for Arts Theory,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: vpshestakov@migmail.ru